

алхимического делания. Это современный химик сам решает, когда и как проводить лабораторные эксперименты, алхимик же постоянно ждал указаний от звезд: работу с первичной материей можно было начинать лишь в момент строго определенной конфигурации небесных светил, в дальнейшем неукоснительно сообразуя этапы Великого Делания с положением звезд на небе. При всей простоте инструментария, находившегося в распоряжении алхимика, он, как полагают некоторые исследователи (и эту точку зрения разделяет С. Ютен), мог достаточно точно проводить наблюдения и расчеты, необходимые для того, чтобы этапы его алхимических операций соответствовали фазам небесных светил. Без телескопа тут не обойтись, поэтому возникает вопрос о приоритете: кто же первым сконструировал этот астрономический прибор - Роджер Бэкон или все же, как считается, Галилео Галилей?

В Средние века допускалась абсолютная связь между всем, что происходит на Земле, и планетами. Не случайно алхимики объединили символы семи металлов и семи планет, которые, как считалось, их породили и продолжают оказывать на них влияние. Единство природы проявляется во всеобщей одушевленности: металлы, как растения и животные, имеют душу и подобно им обладают способностью к росту, созреванию. Несовершенство простых металлов по сравнению с металлами благородными объясняется их незрелостью, и алхимик надеялся своим вмешательством ускорить процесс их созревания. Он был убежден, что в его лаборатории в процессе Великого Делания в миниатюре повторяется то, что происходило в природе с момента Творения. «Герметический философ» чувствовал себя демиургом, творцом маленькой вселенной, и вполне искренне был озабочен тем, как бы его делание не отозвалось неблагоприятным образом на большой Вселенной, не нарушило от века установленный порядок вещей. Необходимую в этом случае подсказку он и рассчитывал получить от планет, которые не оставят без попечительства вверенные им металлы.

Из множества забытых рецептов и исследовательских приемов средневековых алхимиков можно найти лишь несколько таких, которые заключают в себе хоть какой-то смысл с точки зрения современного химика, тем более что в течение многих веков напряженных самоотверженных усилий так и не удалось получить эликсир - философский камень или «порошок проекции», с помощью которого будто бы было изготовлено искусственное золото (если реалистически посмотреть на свидетельства, якобы доказывающие обратное). Так что же побуждало средневековых алхимиков тратить всю свою жизнь на лабораторные бдения и писание туманных трактатов о «божественном искусстве», если все их усилия сводились к ничтожному результату? Надо иметь в виду, что в те времена еще не существовало ничего такого, что могло бы убедить алхимика в бессмысленности его лабораторных экспериментов, и к тому же он всегда мог обратиться к традиции, которая давала не одно свидетельство достижения замечательных результатов. Более того, он мог видеть, что его усилия не были совершенно напрасны, поскольку побочным продуктом его трудов в лаборатории оказывалось множество полезных открытий.

Однако, сколько бы ни приводилось рациональных доводов в пользу алхимического делания, все равно кажется необъяснимым увлечение столь многотрудным, но малорезультативным занятием. Возможно, более убедительные объяснения глубинных причин живучести «герметического искусства» может дать психология.[5] Алхимия с самого начала имела два лица: одно было обращено к практике химических экспериментов в лаборатории, а другое - к психическим процессам, частично осознаваемым, а частично неосознанно проецируемым и наблюдаемым в различных трансформациях вещества. Начало делания не требовало больших усилий (это была, как говорили, «работа для женщины и ребенка»), достаточно было лишь приступить к нему, как утверждается в одном алхимическом трактате, со «свободным и чистым умом». Однако при этом следовало соблюдать одно важное правило: «ум должен быть в гармонии с деланием», которое - превыше всего. В дошедших до нас сочинениях алхимиков